

В. Е. СТОЯНОВ

**НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ
ЗАУРАЛЬСКО-ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ
(ранний железный век) ¹**

Хозяйственное значение западносибирских лесостепных памятников раннего железного века не поддается точному определению. Можно допускать, что здесь функционировало традиционное, сложившееся в эпоху бронзы хозяйство, сочетавшее производящие и присваивающие отрасли, из которых удовлетворительно документированы скотоводство, охота и ремесло.

Можно предполагать и наличие земледелия, основываясь на материалах и мнениях, утверждающих, что на лесостепных и сопредельных лесных пространствах Евразии в предшествующее ² и скифо-сарматское время оно развивалось. Однако о его конкретных формах судить трудно, так как не найдены и не определены землеобрабатывающие орудия, остатки культивировавшихся растений. Поэтому же соотношение скотоводства и земледелия остается неизвестным, но едва ли следует предполагать одинаковое развитие отраслей или более высокий уровень земледелия.

Легче характеризовать остатки скотоводства и охоты, потому что предварительные определения уже сделаны В. И. Громовой, В. И. Цалкиным, Н. Г. Смирновым и В. П. Данильченко на поселениях Гороховском (Чудаки) ³ на р. Тоболе, Иртышском I ⁴, Иткульском II ⁵ и Дальнем Багарякском ⁶ на восточном склоне Урала, Воробьевском и Носиловском II на р. Исети, Речкинском I и II на р. Тоболе, Узловском (Коврижка) на р. Ишиме ⁷, Коконовском, Богдановском, Горная Бития и др. на р. Иртыше ⁸. Разумеется, остеологические свидетельства скотоводства и охоты, их соотношения, соотношения отраслей внутри скотоводства и охоты, их значения в питании населения всегда неполны ⁹.

Следует отметить, что соотношение домашних и диких животных неодинаково на поселениях западного (зауральского) и восточного (затобольского) ареалов. Различия между ареалами по этому признаку не кажутся резкими, так как в лесостепи везде больше домашних и сельскохозяйственных животных. Внутри ареалов различия иногда заметнее. Отчетливы они внутри восточного. На ишимских поселениях домашних животных меньше (63,3%, в том числе сельскохозяйственных 50%)

и диких больше (36,7%), чем на тобольских (соответственно 89,7, 84,6, 10,3) и иртышских (80, 75,2, 20). В первом случае очевидно значительное развитие, но менее отчетливое преобладание скотоводства и допустимо предположение о большом значении охоты. Внутри западного ареала различия еще заметнее, так как на поселениях восточного склона Урала (горнолесное Зауралья), судя по среднему количеству, преобладают дикие животные (61,5%, домашних 38,5%, в том числе сельскохозяйственных 36,9%). Здесь допустимо предположение об очень большом значении и даже преобладании охоты. Чем объяснять эти различия — экологическими факторами, уровнем развития, культурной спецификой, репрезентативностью материалов? Вероятно, все это следует учитывать, прежде чем констатировать некоторые количественные особенности производящего хозяйства западного и восточного ареалов, качественные различия внутри западного, между производящим хозяйством лесостепи и, вероятно, преимущественно присваивающим хозяйством восточных склонов Урала и в дальнейшем все другие различия, сопоставления, оценки и формулировки.

Показателен видовой состав диких животных. Он достаточно разнообразен, но относительно большое количество копытных (более трети количества диких особей: северный олень, лось, косуля, кабан), определенных почти на всех поселениях, свидетельствует, что охота оставалась одним из источников мясной пищи и сырья, что промысел мяса был важным и повсеместным. Прочие виды представлены меньше — это медведь и пушные (бобр, выдра, сурок, лиса, волк, барсук и заяц, мясо двух последних могло также употребляться в пищу). На поселениях лесостепи пушных в среднем от 10 до 27%, а на некоторых южных до 63—67% общего количества диких видов. Последнее может указывать на солидное значение промысла пушнины.

Очень своеобразен видовой состав диких животных на поселениях восточного склона Урала (Иткульское II, Иртышское I и Дальнее Багарякское городища), где определены только крупные копытные — косуля, лось, северный олень и медведь. Такое однообразие пока не имеет объяснений (специализация?); оно тем более удивительно, что на большинстве лесостепных поселений, в том числе и самых южных, кости пушных обнаружены. Опять, следовательно, приходится констатировать: хозяйственное своеобразие горнолесного Зауралья более существенно, чем различия между лесостепными памятниками западного и восточного ареалов.

Очевидно, различается и видовой состав диких животных на южнее и севернее расположенных памятниках зауральской лесостепи — на первых преобладают пушные, на вторых — копытные.

Можно предполагать различия видового состава диких животных на поселениях восточного ареала — на ишимских поселениях пушных больше, чем копытных, и этим они напоминают южные зауральские, на тобольских и иртышских больше копытных, и этим они напоминают северные зауральские.

Различия в количестве сельскохозяйственных и диких животных, диких копытных и пушных, отражающие соотношения производящего и

присваивающего хозяйств, мясного и пушного промыслов могут быть сформулированы так: если диких животных больше, чем сельскохозяйственных, то среди диких преобладают копытные; если сельскохозяйственных больше диких, то среди диких пушных много и иногда больше, чем копытных. Первая формула отражает преобладание мясной промысловой охоты над другими видами и, может быть, над скотоводством, предполагаемое для поселений восточного склона Урала. Она может характеризовать мясную промысловую охоту как один из основных видов хозяйства и важнейший источник жизни. Вторая отражает преобладание скотоводства и обусловленное этим соотношение мясного и пушного промыслов: из-за значительного развития скотоводства охота перестает быть важнейшим источником мясной пищи и сырья и в благоприятных условиях превращается в источник меновых ценностей.

Не менее интересен состав домашних видов, включающий собаку и сельскохозяйственных животных: лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, верблюдов и свинью. Важнейшими объектами скотоводства повсеместно были лошади и крупный рогатый скот, а в лесостепи еще и мелкий рогатый скот. Первое место в этом перечне занимает лошадь, которой на восьми учтенных поселениях принадлежат первые количества и на шести — вторые. Крупный рогатый скот занимает второе место, что соответствует в среднем месту его остатков на отдельных поселениях: на пяти — первое, на восьми — второе, на одном — третье. Различия в количестве остатков лошадей и крупного рогатого скота в среднем и на большинстве памятников не очень велики, лишь на Богдановском и Гороховском (Чудаки) поселениях крупного рогатого скота соответственно в 2,5 и 1,5 раза меньше лошадей, в четырех случаях эти количества равны. Мелкий рогатый скот занимает третье место. Его в среднем значительно меньше (почти в 2 раза и более), чем лошадей и крупного рогатого скота. На двух поселениях мелкому рогатому скоту принадлежат первые количества, на трех — вторые, на семи — третьи, на двух — остатков его не обнаружено. Больше всего этих остатков на Гороховском (Чудаки) поселении — в 1,5 раза больше, чем крупного рогатого скота и чуть меньше лошадей. На четырех лесостепных поселениях найдены кости верблюдов — на трех в Зауралье и одном на р. Ишиме. Также на четырех поселениях обнаружены кости свиньи — на Воробьевском, находящемся на севере Зауральской лесостепи, на р. Исети и на трех иртышских.

Оценивая охарактеризованные соотношения сельскохозяйственных видов, следует еще раз подчеркнуть почти повсеместное преобладание остатков лошадей над остатками мелкого рогатого скота. Количество последних в среднем не более 20% и на большинстве поселений редко превышает 30%. Их менее всего на восточном склоне Урала и севере зауральской лесостепи (около 10%), более всего, пожалуй, на самом южном Гороховском (Чудаки) поселении лесостепи (около 34%), но и здесь меньше, чем лошадей. По относительному количеству мелкого рогатого скота лесостепные зауральские и затобольские поселения больше напоминают синхронные лесостепные поселения Среднего Дона и лесные поселения юхновской культуры¹⁰. Относительное количество

лошади в среднем и на большинстве поселений Зауралья и Затоболья превышает 30%. Ее менее всего на Узловском (Коврижка) поселении в Затоболье (около 26,3%), более всего — на восточноуральских и иртышских поселениях (44%). По относительному количеству лошади поселения зауральской и затобольской лесостепи ближе всего напоминают синхронные поселения орловско-курской лесостепи, Среднего Дона, Среднего Поволжья и лесные поселения ананьинской культуры¹¹. Относительное количество крупного рогатого скота выше, чем в синхронных памятниках восточноевропейской лесостепи: оно варьирует в среднем в пределах 20—45%. По этому признаку затобольские лесостепные и восточноуральские горнолесные поселения очень напоминают скифские поселения римского времени на Нижнем Днепре, Ингульце и Южном Буге, памятники Боспора и Ольвию римского времени, поселения черняховской культуры, а зауральские лесостепные — синхронные поселения Среднего Поволжья, Среднего Дона и Северного Донца, орловско-курской лесостепи и т. д.¹²

Следовательно, западносибирское лесостепное скотоводство рядом черт напоминает лесостепное восточноевропейское.

Есть и достаточно существенные отличия. В раннем железном веке в зауральской и затобольской лесостепи почти не знали свиноводства. Большинство же синхронных памятников Восточной Европы и Хорезма регулярно дают остатки свиньи в среднем около 10—20% и более, и лишь на скифских поселениях Нижнего Днепра, Ингульда и Южного Буга менее 10%¹³. Столь слабое развитие свиноводства в Зауралье и Затоболье сейчас трудно объяснить. Это, вероятно, традиционная особенность местного скотоводства еще с эпохи бронзы, в том числе и андроновского, не знавшего свиноводства¹⁴. Однако только этим слабое развитие или отсутствие свиноводства в раннем железном веке не объяснить, так как черкаскульские поселения, относящиеся к концу эпохи бронзы и распространенные в бассейне р. Исети, т. е. непосредственно предшествующие зауральской культуре раннего железного века, дают остатки свиньи (около 10%)¹⁵, примерно такое же количество дают и хорезмские поселения VII в. до н. э. — IV в. н. э.¹⁶

Интересны еще остатки верблюда; их на лесостепных зауральских и затобольских памятниках раннего железного века не меньше, чем в Хорезме¹⁷. В памятниках предшествующего времени верблюд зафиксирован один раз¹⁸. Нет верблюда на синхронных памятниках лесостепной зоны Восточной Европы¹⁹.

Таким образом, на зауральских лесостепных поселениях раннего железного века фиксируется типичное для лесостепи Восточной Европы соотношение мелкого рогатого скота и лошади, есть крупный рогатый скот в количествах, близких типичным для восточноевропейской лесостепи, свиньи значительно меньше, есть верблюд, совершенно нехарактерный для восточноевропейской лесостепи. Свиньи нет и верблюда очень мало на андроновских памятниках, но они есть в Приаралье, свинья — в Зауралье на черкаскульских памятниках. Можно допустить, что изменения в зауральском стаде конца эпохи бронзы и раннего железного века обусловлены распространением южной скотоводческой

традиции, а незначительное развитие и распространение свиноводства в Зауралье — недостаточным развитием земледелия²⁰.

Способ ведения зауральского лесостепного скотоводства уже определен, хотя и без достаточной аргументации²¹. Предполагают, что оно было пастушеским, полукочевым: зиму и раннюю весну скотоводы проводили в зимниках, на поселениях; перекочевки происходили весной, летом и осенью. С этим можно согласиться, но не без оговорок.

Иначе, вероятно, велось скотоводство на восточном склоне Урала: об этом свидетельствуют состав и количественные соотношения видов сельскохозяйственных животных, ближе напоминающие стадо у оседлых лесных скотоводов, толщина и насыщенность культурного слоя Иткульского II и подобных ему поселений.

Элементы кочевого уклада были, вероятно, сильнее в южной части лесостепи, и об этом свидетельствуют состав и количественные соотношения видов сельскохозяйственных животных Гороховского (Чудаки) поселения: показатель, исчисленный по остеологическим остаткам и характеризующий количество лошадей, мелкого рогатого скота и верблюдов на этом поселении (76,8%), выше соответствующих показателей, исчисленных по живому поголовью стад полуоседлых ставропольских войсковых калмыков 1844 г. (64%) и остеологическим остаткам с акрополя Каменского городища (67%), но значительно ниже аналогичного показателя, исчисленного по ископаемым остаткам монгольского стада XIV в. из Кара-Корума (94%), по живому поголовью стад у кочевых калмыков 1803 г. (86%) и в современной Монголии (94%)²². Оценивая эти сопоставления, следует иметь в виду, что показатели количества лошадей, мелкого рогатого скота и верблюдов, исчисленные по остеологическим остаткам, вероятно, отличаются от действительного количества этих животных в древнем стаде. Номадическое скотоводство должно связываться с гороховскими памятниками — облик этих поселений (верхний горизонт Воробьевского поселения, Гороховское (Чудаки), Малое и Большое Казакбаевские и др.), их очень тонкий и бедный находками культурный слой, планировка городищ, различия в застройке их частей, планировка и конструкция фортификационных, жилых и хозяйственных сооружений более других соответствуют этому предположению. В IV—II вв. до н. э. номадическое скотоводство вместе с населением, оставившим гороховские памятники, распространяется, вероятно, на все лесостепное и даже горнолесное Зауралье.

Предшествовавшее ему на севере лесостепи скотоводство VI—IV вв. до н. э. отличается отчетливее выраженными признаками оседлости: состав и соотношение видов сельскохозяйственных животных (есть свинья и мало мелкого рогатого скота), мощные и насыщенные остатками культурные слои поселений (Носиловское II, нижний горизонт Воробьевского и т. д.).

Материалы, характеризующие скотоводство междуречья Тобола и Иртыша, происходят с саргатских преимущественно памятников. Номадизм здесь выражен заметно слабее, чем на гороховских поселениях, хотя показатели, исчисленные по количеству лошадей и мелкого рогатого скота для иртышских поселений, достаточно высоки. Самый высо-

кий дает Богдановское поселение (75,8%), но и здесь мелкого рогатого скота (20%) почти в 1,5 раза меньше, чем на Гороховском (Чудаки), нет верблюдов и есть свиньи (1,7%). Из-за недостаточной хронологической расчлененности и репрезентативности материалов иртышских поселений трудно с уверенностью говорить о какой-то внутренней динамике, о тенденции к нарастанию номадизма.

Приведенные факты и мнения убеждают, что зауральское лесостепное хозяйство базировалось на высокоразвитом по тем временам скотоводстве. Несомненно, развивались традиционные ремесла, прежде всего металлообрабатывающие. Остатки относительно сложных фортификационных систем на зауральских городищах указывают на значительное развитие строительного ремесла. Высокий уровень скотоводства предполагает развитие кожевенного и шорного дела. Можно, таким образом, допустить прогресс начавшегося в эпоху бронзы второго крупного общественного разделения труда.

Развитой хозяйственный комплекс должен был обусловить и относительно сложность социальной структуры. Относительно высокий уровень социального развития можно предполагать уже на основе оценок предшествующей эпохи. Значительными могли быть воздействия южных высокоразвитых обществ, которые документированы распространением традиций и предметов южного происхождения. Можно думать, что в раннем железном веке социальный прогресс в Зауралье находился на одной из поздних стадий архаического общинного устройства, характеризуемой отмиранием родовых традиций и социально-экономической дифференциацией. Вместе с тем этот процесс не достиг еще крайних форм.

Обособленные общины или их подразделения, проживавшие на отдельных поселениях, не составляли уже архаического хозяйственного единства. Этим может быть обусловлена планировка жилищ и поселений Гороховского (Чудаки) и Воробьевского. Жилища второй группы, состоящие из обширной жилой (внутренней) и хозяйственной (внешней) камер, могут свидетельствовать об экономическом обособлении частей общины, вероятно, больших семей. Этим частям общин, наверное, соответствуют отдельные группы курганов, локализованные близ поселений: по три в окрестностях Воробьевского и Прыговского поселений, несколько в окрестностях Мыльниковских и Шадринских городищ и т. п. О том, что обитавшие в жилищах части общин состояли из нескольких ячеек, брачных пар или малых семей, обособлявшихся за перегородками у отдельных очагов, говорит планировка жилища № 9 и жилых (внутренних) камер жилищ № 4, 6, 8 Гороховского (Чудаки) городища. Можно предполагать сегментацию частей общин и видеть свидетельство этого в планировке жилища из раскопов II и VIII на Воробьевском и жилищ № 1, 2 и 3 на Гороховском (Чудаки) городищах. Иногда ячейки этих частей общин сооружали отдельные жилища, но сохраняли какое-то время хозяйственную связь, что отражено в локализации построек Гороховского (Чудаки) городища группами и отсутствии следов хозяйственных (внешних) камер у некоторых жилищ.

Аналогичные процессы, материализованные в иных формах, прохо-

дили, вероятно, на восточной окраине Зауралья и в Затоболье. Здесь есть обширные двухкамерные жилища (Речкинское II селище), обширные однокамерные жилища со следами внутренней планировки и обособленными очагами (Узловское (Коврижка) поселение, раскоп I), но нет следов хозяйственных камер, аналогичных зауральским. Зауральским курганным группам в Затоболье могут соответствовать отдельные курганы со многими погребениями, размещенными в центре и под полами по кругу (Абатский, Фоминцевский, Лихачевский и др. могильники).

Это отдельные черты схематичной, статичной характеристики общества второй половины I тысячелетия до н. э. и начала н. э. Динамика ощущается еще очень слабо. Можно думать, что общество первой половины I тысячелетия до н. э. характеризовалось более прочными традициями архаического коллективизма, менее выраженным экономическим обособлением частей общин, о чем свидетельствует планировка Лихачевского (Ерзовка) городища, его жилищ и Дальнего Багарякского городища.

Можно предполагать и некую неравномерность социального развития по ареалам.

Факты, документирующие превращение родоплеменной старшины в аристократию и обособление ее, относятся к V—III вв. до н. э. Я имею в виду обширные и сложные погребальные сооружения Шмаковских курганов 5 и 6, Царева кургана и т. п. Следов подлинной социально-экономической дифференциации раскопанные лесостепные некрополи и поселения не обнаружили.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Доклад, прочитанный на совещании в г. Томске (март 1975), посвященном проблемам социально-экономической организации древнего населения Западной Сибири.

² К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, с. 333—334; Т. М. Потемкина. Культура населения Среднего Притоболья в эпоху бронзы. Автореф. канд. дис. М., 1975.

³ К. В. Сальников. Городище Чудаки Челябинской области (по раскопкам 1937 г.) — СА, 1947, № 9; Определение остеологических остатков из раскопок Г. В. Бельтиковой в 1975 г. сделаны Н. Г. Смирновым. Искренне благодарю их за возможность использовать эти новые данные.

⁴ В. И. Цалкин. Животноводство и охота в лесной полосе Восточной Европы в раннем железном веке (по материалам раскопок дяковских, верхнеокских и юхновских городищ). — МИА, № 107, 1962.

⁵ К. В. Сальников. Иткульская культура (К вопросу о «Зауральском ананьине»). — В сб.: Краеведческие записки, вып. 1. Челябинск, 1962.

⁶ Н. Г. Смирнов. Ландшафтная интерпретация по фауне андроновских памятников Зауралья. — ВАУ, вып. 13. Свердловск, 1975.

⁷ Определения В. И. Цалкина, хранящиеся в архиве кабинета археологии УрГУ, опубликованы Н. Г. Смирновым. — См.: Н. Г. Смирнов. Ландшафтная интерпретация...

⁸ В. А. Могильников. Некоторые аспекты хозяйства племен лесостепи Западной Сибири эпохи раннего железа. Доклад, прочитанный на совещании в г. Томске (март 1975), посвященном проблемам социально-экономической организации древнего населения Западной Сибири.

⁹ Е. И. Горюнова. К вопросу об «остеологической статистике». — КСИИМК, вып. 35, 1950; В. И. Цалкин. Животноводство и охота..., с. 85, 66 и др.;

Ю. А. Краснов. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971.

¹⁰ В. И. Цалкин. Животноводство и охота племен восточноевропейской лесостепи в раннем железном веке.— МИА, № 135, 1966, с. 90—94.

¹¹ Там же.

¹² Там же, с. 96 и след.

¹³ Там же.

¹⁴ К. В. Сальников. Очерки древней истории..., с. 326—331; С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы.— МИА, № 88, 1960, с. 88—89.

¹⁵ К. В. Сальников. Очерки древней истории..., с. 367—370.

¹⁶ В. И. Цалкин. Фауна древнего Хорезма в свете данных археологии.— МИА, № 135, 1966.

¹⁷ Там же.

¹⁸ К. В. Сальников. Очерки древней истории..., с. 328; Е. Е. Кузьмина. Новый тип андроновского жилища в Оренбургской области.— ВАУ, вып. 2, 1962; С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы.

¹⁹ В. И. Цалкин. Животноводство и охота племен..., с. 89 и след.

²⁰ К. В. Сальников. Очерки древней истории..., с. 330.

²¹ Он же. В глубине веков. Очерки жизни первобытного населения Урала. Свердловск, 1949, с. 74; Он же. Некоторые итоги и проблемы изучения древней истории Урала.— В сб.: Из истории Урала. Свердловск, 1960, с. 14; Он же. Очерки древней истории..., с. 328—329; В. И. Мошинская. Племена лесостепной и лесной полосы Западной Сибири в I тыс. до н. э.— См.: История Сибири, т. 1, Л., 1968, с. 238.

²² П. Д. Либеров. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа.— МИА, № 53, 1960.